

Carte
CARTE POSTALE

Correspondance
Madame
Paris
1918

Изн. з. Перехон
Улица Большая Морская дом 8
Отръ. Героева Георгия
Михайловна

NOUVELLE ADRESSE
11, Rue Fouad I
Téléphone : 31555

TRANSCARNA
ECHANGES COMMERCIAUX EGYPTO-SUISSE
LANZ & CO.
10, Boulevard Said Ier.
ALEXANDRIE (Egypte)

MATSON
TRANSCARNA S.-A.
MONTEJOUSTRASSE 29
BERNE - SUISSE

Madame Sophia A. Nowickaya
52, rue du Louvre (1e), Paris, France

Carte
M. Edg. Chateauf
rue Daubenton
Paris
Paris
Paris

Здравствуй любезный друг мой Софья Алексѣевна.

Пишу, не зная, дойдетъ ли это письмо до Васъ, но моя честь и Ваше отношеніе ко мнѣ, не позволяетъ поступить иначе. Я надѣюсь, у Васъ получилось добратъся до Франціи, какъ Вы хотѣли. Тогда въ Одессѣ, въ 1919 году, Вы говорили, что это единственный выходъ для Васъ... для насъ. Я слушалъ Васъ, соглашался, но понималъ, что никогда не смогу покинуть эту страну... свою Родину, въ это время, когда я ей нуженъ. Нуженъ, навѣрное, такъ, какъ не былъ нуженъ никогда.

Пишу я Вамъ изъ Крыма, если быть болѣе точнымъ - изъ города Перекопъ. Послѣ Одессы, гдѣ мы съ Вами встрѣтились въ этой забытой Богомъ гостиницѣ подъ яркимъ названіемъ «Неаполь», я вернулся на Донъ, откуда и попалъ въ Крымъ съ корпусомъ генерала Слащева... нашего генерала Яши, какъ прозвали его солдаты. Другъ мой Софья Алексѣевна, даже если бы я захотѣлъ, я не смогъ бы описать того, что намъ всѣмъ пришлось пережить, что мы переживаемъ сейчасъ, понимая, что исходъ у всего этого только одинъ... гибель. Гибель страны, гибель надежды. И еще страшнѣе понимать, что смерти близкихъ, смерти тѣхъ, кто хотѣлъ остановить это, были напрасны. Большевизмъ хуже чумы... страшнѣе чумы... отъ него нѣтъ лѣкарствъ, онъ можетъ только самъ себя погубить. На что я очень надѣюсь, даже понимая, что я этого точно не увижу. Опять стрѣльба... извините, вынужденъ прерваться.

Очередная вылазка краснаго быдла - языкъ не поворачивается назвать ихъ другимъ именемъ. Много зла они принесли на эту землю, много зла еще принесутъ въ этотъ миръ. Много зла они принесли и въ мою жизнь...

Вы же Софья Алексѣевна навѣрняка помните мою сестру Нину. Когда мы съ Вами видѣлись въ Одессѣ, у меня не было отъ нее никакихъ извѣстій уже больше двухъ лѣтъ. Такъ вотъ, нѣсколько недѣль назадъ ко мнѣ подошла дама, Алина Аркадьевна Вересова, изъ мѣстныхъ. Насколько я понялъ - поэтесса. По крайней мѣрѣ (не будучи большимъ знатокомъ поэзіи), мнѣ нравится слушать, какъ она читаетъ стихи, особо не вдаваясь еѣ ли это стихи... зачѣмъ, въ сущности, мнѣ это знать...

Такъ вотъ, она сказала, что узнала меня. Я предположилъ, что мы раньше встрѣчались, а она сказала - нѣтъ, я видѣла Васъ на фото у Вашей сестры. Софья Алексѣевна... она видѣла Нину!

Что было у меня в голове в этот момент - одному Богу известно... ведь послѣ потери родныхъ во Владикавказѣ в 1918 году, послѣ этой страшной рѣзни, въ которой уничтожили всѣ мой родъ, Нина была единственнымъ оставшимся у меня близкимъ человѣкомъ. Такъ вотъ Алина Аркадьевна сказала, что послѣдній разъ она видѣла Нину въ Воронежѣ, гдѣ они вмѣстѣ помогали въ госпиталѣ. Она даже попыталась узнать: можетъ, Нина до сихъ поръ тамъ? Но нѣкій врачъ Николай Песковъ изъ этого госпиталя отвѣтилъ, что Нина уѣхала изъ Воронежа, до того, какъ городъ заняли красные.

Это вселяетъ надежду, что она жива, что у нее получилось либо уѣхать изъ Россіи, либо... даже не знаю, что еще могло ждать эту дѣвочку... этотъ дидингъ (цѣтокъ) моей жизни. Я не знаю, какъ она оказалась въ Воронежѣ. Можетъ, ей помогъ старикъ Ваулинъ, Вы должны его помнить, онъ былъ моимъ ротнымъ офицеромъ въ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ. И это его племянника Владимира мы съ Вами опекали въ 1916 году въ Петроградѣ, когда онъ на каникулахъ попалъ въ самое пекло начала этой страшной смуты. Андрей Николаевичъ забирая Володю обратно въ Воронежъ, говорилъ, что теперь онъ мой должникъ. Вотъ я и думаю, можетъ, это онъ увезъ Нину въ Воронежъ?

Дѣти... какъ страшно видѣть, Софья Алексѣевна, какъ страдаютъ дѣти. Вокругъ столько сиротъ! А сколько ихъ гибнетъ! Гибнетъ порой глупо, чащѣ ни за что. Сколько кадетъ, юнкеровъ погибло у меня на глазахъ. Сколько ихъ я не уберечь! Это не даетъ спать по ночамъ, это то, что будетъ преслѣдовать меня до конца моихъ дней. Они вѣрили намъ, вѣрили, а мы ихъ не уберегли. Сколько семей, сколько родовъ прервалось на этой страшной и глупой войнѣ. Они всѣ у меня передъ глазами. Я не помню лицъ враговъ, которыхъ я убивалъ, они меня не тревожатъ. А вотъ эти дѣти стоятъ передо мной. И когда-то мы съ ними встрѣтимся, и мнѣ придется - намъ придется! - дать имъ отвѣтъ, почему вышло именно такъ. Почему ихъ смерть потеряла свой смыслъ?

Рядомъ со мной сейчасъ воюетъ капитанъ Волковъ Дмитрій Ивановичъ. Такъ вотъ, съ нимъ рядомъ его сынъ Андрей. Андрюша смѣлый и отважный, в 1918 онъ съ кадетами старшихъ классовъ, унесъ съ собой корпусное знамя, сбѣжали на Донъ. Тамъ и встрѣтилъ отца.

Знаете, Софья Алексѣевна, смотря на него, я вспоминаю, какъ мой дядя Серго разсказывалъ мнѣ о сынѣ полковника Ржевскаго Сергѣѣ. Эти дѣти могли стать гордостью Россіи, а стали ея изгоями.

Если говорить о моихъ сослуживцахъ, то мнѣ съ ними повезло. Я было принялъ предложеніе начальника контрразвѣдки подполковника Триценко о переходѣ въ его вѣдомство. Но быстро понялъ, что даже при моей лютой ненависти къ большевикамъ, заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается контрразвѣдка - это не по мнѣ. Хотя, какъ бы это страшно не звучало, мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе принимать участіе въ разстрѣлахъ, проводимыхъ контрразвѣдкой. Вотъ такъ, другъ мой Софья Алексѣевна, мое желаніе служить отечеству, защищать его - переросло въ желаніе убивать.

Изъ контрразвѣдки я вернулся въ Корниловскій ударный полкъ, которымъ нынче командуетъ подполковникъ Ивановъ Алексѣй Владиміровичъ. Это доблестный, грамотный офицеръ, Два дня назадъ при штурмѣ Перегона онъ лично возглавилъ конную атаку, что нынче большая рѣдкость.

А видѣли бы Вы, другъ мой Софья Алексѣевна, штабсъ-капитана Вяземскаго! Вотъ настоящий образецъ русскаго воинства! Отчаянно смѣлый и благородный человекъ, онъ мнѣ чѣмъ-то напоминаетъ меня во время службы въ Конвоѣ Его Императорскаго Величества. У него пока еще ѣсть блескъ въ глазахъ. Я провожу много времени въ бесѣдахъ съ нимъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ. И понимаю, что онъ всѣ видитъ правильно. Онъ, такъ же, какъ и я, да, какъ и многіе вокругъ, понимаетъ самъ фактъ нашего пораженія. Но, въ отличіе отъ насъ онъ вѣритъ, что дисциплиной и порядкомъ еще что-то можно повернуть вспять. И знаете, это убѣжденіе спасло немало жизней его подчиненныхъ и солдатъ. Увы, сейчасъ порядку и дисциплинѣ удѣляютъ всѣ меньше и меньше вниманія - такое нынче, навѣрное, время для всѣхъ насъ.

Разсказывая обо всѣмъ этомъ, я оттягиваю то главное, ради чего и рѣшилъ Вамъ написать. Я женился... понимаю, что никогда ничего Вамъ не обѣщаль, и ничего не требовалъ отъ Васъ, что могъ бы не писать Вамъ объ этомъ, но не могу съ собой совладать. Я знаю, что Вы испытывали ко мнѣ чувства, знаю, что своей женитьбой я, возможно, разрушилъ какіе-то Ваши надежды.

Но я - въ 40 лѣтъ, будучи твердо увѣреннымъ въ томъ, что если этого не случилось до сихъ поръ, теперь не случится никогда - встрѣтилъ ту, съ которой хочу прожить остатокъ своихъ дней. Вы всегда горевали о томъ, что я одинокъ, что нѣтъ у меня тѣхъ, кто меня ждетъ дома. Можетъ, поэтому и пишу Вамъ... Хочу вѣрить, что прочтя это письмо, Вы простите меня и, возможно, Васъ успокоитъ то, что я пересталъ быть одинокимъ волкомъ.

Можетъ, и я освобожу Васъ отъ какихъ-то надеждъ, которые мѣшаютъ Вамъ наладить свою жизнь. Вѣдь такая Женщина какъ Вы достойна лучшей доли, чѣмъ ждать. Хотя, можетъ, я излишне самоувѣренъ, и Вы уже давно замужемъ и счастливы, домъ Вашъ полонъ дѣтишекъ и любящій мужъ далъ Вамъ то, что не смогъ или не захотѣлъ дать Вамъ я.

Её зовутъ Софія Николаевна, урожденная Шабалина. Моя Софія, моя яркая звѣздочка на черномъ небосклонѣ моей жизни. Хрупкая, юная, но не по годамъ серьезная. Я замѣтилъ её, приходя въ госпиталь по служебнымъ дѣламъ. Она служитъ медсестрой, но её врачебный опытъ позволяетъ ей оперировать. Это особенно важно въ то время, когда не хватаетъ врачей, а людей, которымъ нужна помощь, меньше не становится. Насъ познакомилъ главный врачъ госпиталя Снѣговъ. Не сказать, что я сталъ её опекать, но оказывать ей знаки вниманія, помогать, было очень пріятно. Я видѣлъ, какъ она на меня смотритъ - или мнѣ казалось, что я это вижу. Вѣдь то, что она мнѣ очень дорога я понялъ, когда самъ - да, Софья Алексѣевна, самъ! - позволилъ ей пойти на вѣрную гибель. Какъ она меня уговорила не противиться этому, я до сихъ поръ не понимаю. А вышло, дорогая Софья Алексѣевна, слѣдующее...

До меня дошли сообщенія, что командованіе красныхъ подъ Перекопомъ возглавляетъ нѣкій Еленскій. А я былъ знакомъ въ свое время съ Еленскимъ Сергѣемъ Петровичемъ. Это было во время Шерскаго возстанія 1918 года, когда большевики уничтожали наши сѣла, вырѣзали наши семьи. Онъ помогъ мнѣ вывезти изъ станицы Бургустанской мою дзіуаргиню мадѣа (крестную мать) Мадину съ семьей. Правда, прожили они послѣ этого всего одинъ день, попавъ подъ развѣздъ красныхъ, которые просто зарубили ихъ шашками. Господи какъ же я ихъ ненавижу, но я узналъ объ этомъ много позже, а въ тотъ моментъ я сталъ его должникомъ. А Вы понимаете, что значитъ долгъ для моего народа.

Шакъ вотъ, узнавъ, что Еленскій рядомъ, я захотѣлъ убѣдиться, онъ ли это. Когда была назначена встрѣча для обсуждения условій обмѣна плѣнными, я вызвался сопровождать подполковника Иванова.

Мы узнали другъ друга сразу, и пока шель разговоръ, часто смотрѣли другъ другу въ глаза, словно пытались понять - чего ждать отъ этой внезапной встрѣчи? Вернувшись въ городъ, я еще какое-то время думалъ объ этомъ свиданіи. Мнѣ казалось, что во взглядѣ Еленскаго я прочиталъ «намъ надо поговорить». И когда нашъ постъ привелъ крестьянку, у которой нашли письмо, адресованное мнѣ, я понял, что не ошибся.

Въ письмѣ Еленскій писалъ, что узналъ меня, что помнитъ нашу предыдущую встрѣчу и хотѣлъ бы увидѣться. Конечно, къ мнѣ было много вопросовъ послѣ прочтенія этого письма контрразвѣдкой, но моя безупречная репутація помогла мнѣ. Сама ситуація сыграла свою игру со всѣми нами. Шакъ совпало, что въ этотъ моментъ Софія за моей спиной уговорила начальника контрразвѣдки Триценко, послать её къ краснымъ съ диверсіей. Какъ врачъ, она попала бы въ госпиталь работать, и могла уничтожить лѣкарства или заразить больныхъ чѣмъ-то. И онъ ухватился за эту идею... для него люди - это размѣнная монета. Хотя, можетъ, поэтому у насъ такъ хорошо и работаетъ контрразвѣдка. Ну да Богъ ему судья, мы всѣ въ крови по самое горло, и всѣмъ намъ придется за это отвѣтить - и бѣлымъ, и краснымъ.

Я утверждалъ, что задуманное ими - безуміе! Но меня поддержалъ только штабсъ-капитанъ Вяземскій. Какое-то время намъ удавалось сдерживать порывъ Софіи. Конечно, мы всѣ понимали ея мотивы: отца заколола штыками пьяная матросня въ Петроградѣ осенью 1917. А вѣдь онъ былъ врачомъ, хирургомъ и всю свою жизнь посвятилъ спасенію чужихъ жизней! Прошелъ германскую - и такъ незаслуженно страшно закончилъ свой путь.

Узнавъ о письмѣ Еленскаго, Софія какъ будто потеряла рассудокъ. Она плакала, умоляла меня не препятствовать ея желанію, даже ругалась! И я сдался. Я написалъ письмо Еленскому и назначилъ ему встрѣчу на нейтральной полосѣ. Я Софія начала готовиться. Собрала нѣкоторое количество лѣкарствъ, которые должны были хоть немного подтвердить ея добрые намѣренія, и сложила въ какой-то изъ своихъ медицинскіхъ ящичковъ тряпку, зараженную «испанкой».

Надо сказать, что ей удалось вполбдствіи заразить немало красныхъ и это сыграло немалую роль въ томъ, что штурмъ Перекопа мы отбили. Конечно, мы не выиграли этимъ войну... но мы выиграли время для тѣхъ, кто покидаетъ Россію за нашей спиной.

Опять мысли сваливаются въ пропасть философіи. Простите, другъ мой Софья Алексѣевна, постараюсь быть болѣе краткимъ.

Я вызвался отвести на разстрѣлъ крестьянку, которая передала мнѣ письмо отъ Еленскаго, по пути далъ ей свое письмо и посланіе на словахъ. Потомъ просто отпустилъ, Конечно, пришлось выслушать много нелестныхъ словъ въ свой адресъ отъ подполковника Иванова, да при огромномъ количествѣ людей... Но это было частью плана, вѣдь мы не знали сколько шпіоновъ-большевицковъ рядомъ съ нами.

Я не зналъ, повѣритъ ли Еленскій моему письму и придетъ ли на встрѣчу... онъ пришелъ. Правда, за нѣсколько минутъ до его появленія, ко мнѣ подошелъ дозоръ красныхъ, разоружилъ и... признаться, я уже началъ молится про себя, понимая, что вотъ сейчасъ, вотъ здѣсь, даже не унеся съ собой еще нѣсколько этихъ упырей, закончу свой путь. Но тутъ прибѣжалъ Еленскій - оказалось, онъ просто упустилъ за кучей дѣлъ, что оговоренное время уже подошло. Отправивъ своихъ людей, онъ предложилъ выпить за встрѣчу. Мнѣ казалось, что это происходитъ не со мной. Онъ сидѣлъ рядомъ, я могъ застрѣлить его, могъ выхватить кинжалъ и заколотъ. Но я не сдѣлалъ этого! Почему - и самъ не знаю.

Онъ много говорилъ, объясняя мнѣ, почему и какъ онъ, офицеръ царской арміи, перешелъ на сторону большевицковъ. Нѣтъ, Софья Алексѣевна это была не агитація. Это была исповѣдь уставшаго человѣка, потерявшаго себя въ своемъ прошломъ, и не нашедшаго себя въ своемъ настоящемъ. Онъ сказалъ, что сталъ забывать, какъ выглядитъ просто небо, голубое небо безъ дыма отъ разрывовъ и пожарищъ. Мнѣ стало даже немного его жалъ.

Онъ мнѣ повѣрилъ. Повѣрилъ, что моя невѣста уговорила меня уйти къ большевикамъ, но я, понимая, что мнѣ всѣ равно не простятъ того, кѣмъ я былъ, хочу чтобы она ушла одна и прошу его мнѣ помочь въ этомъ. Онъ согласился, и я видѣлъ, что онъ искрененъ въ желаніи помочь.

Я никогда не блисталъ актерскимъ мастерствомъ, даже въ Кадетскомъ корпусѣ меня не взяли въ театральнѣй кружокъ, сказавъ, что такъ выступить можно только передъ лошадьми на конюшнѣ. А онъ мнѣ повѣрилъ. Мы договорились встрѣтиться на этомъ же мѣстѣ черезъ часъ.

Вернувшись въ Перекопъ, я снова попытался отговорить Софію, но она не отказалась отъ своихъ намѣреній, а я опять проявилъ слабость. И мы отправились на встрѣчу.

Сергѣй пришелъ одинъ. Онъ далъ намъ проститься, Софія плакала, умоляла уйти съ ней. А я уже пересталъ понимать, говоритъ ли она искренне или играетъ передъ Еленскимъ свою роль. И я просто пересталъ сопротивляться. Я, какъ и договорились пообѣщавъ ей догнать ея на дняхъ, и попрощавшись съ Сергѣемъ Петровичемъ ушелъ въ Перекопъ.

И уже будучи въ Перекопе я далъ волю своимъ чувствамъ, я нашелъ въ себѣ силы выслушать всѣ, что про это думалъ Вяземскій, и не нахамилъ ему при этомъ. Я напился. . . Хотѣлось бросить всѣ и бѣжать за ней, бѣжать - если не спасать, такъ хоть умереть рядомъ. И я уже началъ собираться, но тутъ шумъ, и въ зданіе штаба вбѣжала Софія. Волосы ея были растрепаны, глаза горѣли, какимъ-то нереальнымъ, нечеловѣческимъ огнемъ. Она упала безъ чувствъ, успѣвъ только прошептать: «У меня получилось. . .»

Когда мы привели ея въ чувство, она рассказала, что успѣла заразить солдатъ въ госпиталь, и уничтожить практически всѣ лѣкарства. Она никакъ не могла понять, почему они не погнались за ней, когда она убѣжала. Но случилось, какъ случилось.

Я прижалъ ея къ себѣ, пытаюсь успокоить. А она вдругъ, вцѣпившись своими хрупкими пальчиками мнѣ въ спину, и поднявъ ко мнѣ свое милое, дорогое лицо прошептала: «Я больше никогда съ Вами не разстанусь...»

Я еще сильнѣе прижалъ ея къ себѣ, просилъ простить меня. . . И вотъ тогда, Софья Алексѣевна, я понялъ, что безъ этой Женщины, моя жизнь и такъ потраченная впустую въ этой смутѣ, потеряетъ послѣдній смыслъ. Я поцѣловалъ Ея и сказавъ, что самъ никуда и никогда ея не отпущу. И сдѣлалъ предложеніе.

Вы, возможно, спросите, люблю ли я ея... Она любитъ меня. Я я не могу безъ нее жить, наслаждаюсь каждымъ мигомъ, проведеннымъ рядомъ съ ней. Это любовь? Для меня это больше, чѣмъ любовь.

Вечеромъ того же дня былъ штурмъ Перекопа красными. Жестокий штурмъ, Еленскій бросилъ противъ насъ всѣ имѣющіеся у него силы. Но мы выстояли.

Сергѣя взяли въ плѣнъ, я видѣлъ его въ госпиталѣ. Подошелъ къ нему – зачѣмъ? не знаю. Можетъ быть, будь онъ въ сознаниі, я бы заговорилъ съ нимъ, а такъ я просто посмотрѣлъ на него, и ушелъ.

Вечеромъ была свадьба, Софія сіяла и была счастлива. Былъ священникъ и много гостей. Я думаю, это былъ послѣдній праздникъ на этой землѣ, въ нашей Россіи. Мы отступаемъ, теряя всѣ больше и больше своихъ людей. Смерть ходитъ рядомъ, совѣмъ рядомъ. Было время, когда я самъ ея искалъ, но сейчасъ я не одинъ. Миѣ вѣсть, кого отъ нее оберегать, и вѣсть ради кого беречь себя.

Другъ мой, Софья Алексѣевна, я не знаю, нужно ли Вамъ это письмо, имѣю ли я право такъ больно еще разъ Васъ ранить. Но что-то внутри меня толкаетъ меня на то, чтобы отправить его Вамъ. Я не знаю – и, навѣрное, никогда не узнаю – что Вы станете обо мнѣ думать, прочитавъ это посланіе, но я его отправлю. Всѣ должно имѣть свое начало и свое окончаніе. Вотъ пусть и это письмо закроетъ для Васъ и для меня исторію нашего знакомства. А можетъ, и исторію моей жизни. Вѣдь одному Богу извѣстно, что ждетъ меня завтра, черезъ часъ, а можетъ, и въ слѣдующую минуту.

Остаюсь искренне Вашъ Георгій Терговъ

Георгій Терговъ

5 ноября 1920 года